

643/15

БИБЛИО ГРАФИЯ

Судьба трофейных книг России

Тысяча указателей за пять минут

Галактика "Ди-Пи"

Обретая авторство

(Книги из личной библиотеки А.С.Пушкина)

Венок Чаадаеву

*Кто как живет - кто тлеет, кто горит
(Стихи и песни Евгения Бачурина)*

Мастер литературы ужасов - Стивен Кинг

Владимир Высоцкий в зеркале библиографии

3 (a)

май-июнь

1994

Л.М.Равич

ВЕНОК ЧААДАЕВУ

(По материалам неопубликованной переписки
русских библиографов)
К 200-летию со дня рождения

В апреле 1856 г., в разгар либеральной "весны", наступившей после смерти Николая I, известный московский библиофил и библиограф Сергей Дмитриевич Полторацкий поехал в Петербург послушать, о чем шумят столичные витии. Вслед ему из Москвы письмо от другого библиографа, Михаила Николаевича Лонгинова, принесло весть о внезапной кончине Петра Яковлевича Чаадаева.

Полторацкий знал цену людям и понимал значение иных потерь. Он объездил всю Европу, многие годы сотрудничал с французским журналом "Revue Encyclopédique", читавшимся во всех странах тогдашнего культурного мира; был близко знаком с Пушкиным и декабристами, дружил со знаменитым французским библиографом Кераром. Но смерть Чаадаева означала для него еще и большое личное горе: библиографа и философа связывала многолетняя дружба – страница биографии Чаадаева, еще фактически не исследованная его биографами¹.

¹Из 18 писем Чаадаева к Полторацкому, имеющих первостепенный интерес (они хранятся в фондах Полторацкого в РНБ и РГБ), только семь опубликованы в недавно вышедшем двухтомнике сочинений и писем

"Любезный друг Лонгинов, – пишет Полторацкий (21 апр. 1856 г. Л. 1), – в среду вечером получил я твое письмо с горестным, неожиданным известием о кончине милого, доброго нашего Чаадаева. Оно как гром меня поразило; сердце тяжело сжалось и скорбело. Грустно, глубоко грустно. Не могу очнуться и едва верю этому внезапно постигнутому нас несчастью. Наш московский круг лишился в нем много невознагражденного. Никто уже не соединит нас вкуче, как мы соединялись у него, под его гостеприимным кровом. И соединялись не для того, чтобы играть, объедаться или наедаться, а чтобы в живом сочувствии размениваться мыслями, суждениями, убеждениями. Можем сказать, что мы без него в Москве осиротели, и где бы ни были в мире, нигде его не забудем. Грустно мне о нем, очень грустно. Внезапность и неожиданность совершившегося с нами горя тревожно меня волнует, – о Боже мой! Тут не было ли чего? Умолкаю, до свидания"².

философа (М., 1991). Комментарий к ним также нельзя назвать полноценным.

²Письма С.Д.Полторацкого хранятся как часть архива М.Н.Лонгинова в РО ИРЛИ.

Тот же мотив сиротства слышится и в письмах Лонгинова. "Зная твое горячее сердце, – пишет он другу (15 апр. 1856 г. Л. 1), – живо представляю себе горечь твою о потере милого нашего Чаадаева, в отсутствие которого чувствую пустоту, которую заменить невозможно, не говоря уже о печали, которую победить также трудно... Память его не умрет между нами, но тяжело и горько с ним навек расстаться"³.

Что представлял собой этот "московский круг"? Что за люди собирались вокруг "басманного отшельника" в последние годы его жизни?

После публикации в "Телескопе" знаменитого "Философического письма", за что Чаадаев был "высочайше" объявлен сумасшедшим, прошло двадцать лет – срок немалый. Чем занимался он эти годы, с кем общался, что обсуждал? Ответом могут послужить слова, написанные много лет спустя известным ученым и общественным деятелем, внуком декабриста В.Е.Якушкиным: "Для русской жизни имело особое значение то обстоятельство, что при общей реакции и усиленном ренегатстве несколько человек, уцелевших по разным причинам после катастрофы 14 декабря, оставались среди смущенного общества представителями освободительного движения двадцатых годов, выражали свои убеждения, насколько это было возможно, будили общественную мысль и общественную совесть [...]. В числе этих немногих представителей преданий разбитого, но не побежденного освободительного движения вид-

³Лонгинов М. Н. Письмо к С.Д.Полторацкому // ОР РГБ. Ф. 184.

ное и независимое место занимал П.Я.Чаадаев. [...] Он выступал со словом обличения против пошлости, против отступничества, он рассказывал более молодым людям в поучение о времени своей молодости, о политическом движении при Александре I, о тайных обществах, о декабристах, об их деле"⁴.

Нет сомнения в том, что эти сведения он получил от своего отца, Евгения Ивановича, постоянно, с детских лет бывавшего в доме Чаадаева, который был ближайшим другом и названным братом его сосланного отца. Другим постоянным посетителем и поклонником Чаадаева в последние годы жизни философа был его будущий биограф М.Н.Лонгинов. Он писал: "Как он умел принимать у себя, вести общий разговор, заставить невольно каждого принять в нем участие [...]. Сколько споров и поучительных бесед происходило в этом скромном домике! [...] Там все веяло умственной жизнью, там вы могли забыть суету и дразни будничной жизни, о которой ничто вам не напоминало"⁵. Оба этих молодых человека, да еще его племянник Жихарев составляли как бы свиту философа, постоянно бывая у него и стараясь не пропустить ничего важного из его бесед. Из людей же старшего поколения, ровесников, едва ли не самым близким ему в последнее десятилетие жизни был С.Д.Полторацкий. Недаром, когда молодой Якушкин уезжал за границу для усовершенствования в

⁴Якушкин В. Е. Памяти П.Я.Чаадаева // Рус. ведомости. 1906. № 108.

⁵Лонгинов М. Н. Воспоминания о П.Я.Чаадаеве // Рус. вестн. 1862. № 11. С. 154 – 155.

науках, именно Полторацкому Чаадаев поручил позаботиться о нем⁶. Постоянно бывал у Чаадаева и известный библиофил, друг Пушкина С.А.Соболевский. Так получилось, что именно библиофилы составили тот "московский круг", в котором царил Чаадаев, и утрата его была для них большим горем.

Чаадаев считался даже в этом избранном кругу крупнейшим знатоком книги – как старой, так и современной. Чтение составляло одну из главных потребностей его жизни. Он относился к нему чрезвычайно серьезно. "Наложите у себя запрет, если хватит у вас решимости, на всю легковесную литературу, – писал он во втором "Философическом письме". – На мой взгляд, нет ничего вреднее для правильного умственного уклада, чем жажда чтения новинок. Повсюду мы встречаем людей, ставших неспособными серьезно размышлять, глубоко чувствовать вследствие того, что пищу их составляли одни только эти произведения последнего дня, в которых все обещают, ничего не выполняя, где все принимает сомнительную или лживую окраску и все вместе оставляет после себя пустоту и неопределенность"⁷.

Воспоминания современников рисуют Чаадаева как страстного пропагандиста серьезной книги. А если вспомнить, какое влияние имел Чаадаев на окружающих, как прислушивались к нему, то можно себе представить, сколько книг было прочитано по его рекомендации. Известен такой факт:

⁶Равич Л. М. Е.И.Якушкин. М., 1988. С. 17–18.

⁷Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1987. С. 52–53.

по просьбе ссыльного декабриста И.Д.Якушкина именно Чаадаев подбирал книги, посылавшиеся тому в Сибирь. Естественно, что эти книги читались не только адресатом, но и целым кругом ссыльных декабристов⁸.

Собственная библиотека Чаадаева имела одну особенность, отличавшую ее от большинства частных собраний того времени: она не была наследственной. "Только что вышедши из детского возраста, – сообщает биограф Чаадаева М.И.Жихарев, – он уже начал собирать книги и сделался известен всем московским букинистам"⁹. Так собиралась первая библиотека, которую он продал, отправляясь в заграничное путешествие (он поначалу не собирался возвращаться в Россию). "Чаадаев смолоду, – отмечает В.В.Стасов, – страстно занимался обогащением своей библиотеки, был в переписке с знаменитым парижским книгопродавцем и издателем Дидо"¹⁰.

С.А.Соболевский, прочитав рукопись воспоминаний Жихарева, которую тот послал ему как человеку, близко знавшему Чаадаева, счел нужным особо отметить такое обстоятельство: "В 1813 году напечатана книга "Опыт российской библиографии" Сопикова. Хотя Петру Яковлевичу Чаадаеву было только 16 лет, он дважды назван, как человек, владеющий хорошей библиотекой [...]. Это тем замечательнее, что автор (Сопи-

⁸Дневник Анастасии Васильевны Якушкиной: Пер. с фр. /Публ. Т.И.Якушкиной // Новый мир. 1964. № 12. С. 144.

⁹Жихарев М. И. Из воспоминаний современника // Вестн. Европы. 1871. № 1.

¹⁰Стасов В. В. П.Я.Чаадаев // Рус. старина. 1908. № 1. С. 37.

ков) был не в роде *commis a libraire* и не мог знать о значении и положении Чаадаева"¹¹. Вторая библиотека была в основном приобретена в Европе и отражала возникший у Чаадаева интерес к проблемам философии истории, этики и христианского социализма. Надо полагать, что по составу она была совершенно уникальной.

Библиотека, собственно, была самым ценным достоянием Чаадаева. Временами, когда ему уже вовсе не на что было жить, он подумывал о продаже книг. "Вы, может быть, знаете, – писал он Н.Д.Шаховской (у которой постоянно одалживал небольшие суммы), – что я собирался назначить в продажу мою библиотеку, но не имея к ней каталога, нужно сначала заняться составлением его"¹². Но расстаться с нею он все же не решился. Когда в 1842 г. он (в который раз!) обдумывал планы переезда в деревню, среди прочих недостатков деревенского житья отмечал невозможность взять с собой библиотеку. "Отсутствие места в доме для целой половины моих книг!"¹³ – вот чем он объяснил в письме к Е.А.Свербеевой, (угovarивавшей его пожить в деревне) свое решение остаться в городе.

Библиотеку Чаадаева, вместе с его бумагами, унаследовал М.И.Жихарев, впоследствии пожертвовавший ее Румянцевскому музею. Тогда она насчитывала три тысячи книг – несравнимо меньше, чем имели такие собиратели, как Полторацкий, Соболевский, Генна-

ди, Лонгинов. Но по составу, по маргиналиям, которыми были испещрены многие книги, – собрание Чаадаева представляло собою колоссальную культурную ценность. До революции оно хранилось в виде отдельной коллекции, но в 20-е гг. было расплывено, не говоря уже о том, что сплошь и рядом производилась варварская работа по уничтожению маргиналий. В 30-е гг. известный литературовед, дальний родственник философа, Д.И.Шаховской совершил настоящий подвиг: нашел среди этих книг несколько считавшихся до того утраченными философских произведений Чаадаева, прочитал их (что, принимая во внимание почерк "басманного отшельника", само по себе бесконечно трудно), превосходно перевел их с французского и опубликовал в "Литературном наследстве" в 1935 г. (успел-таки в самое последнее времечко!). Затем его самого "прекратили", но работа по воссозданию библиотеки Чаадаева потихоньку, чтобы не сказать тайно, все же шла. В ней приняли участие научные сотрудники тогдашней Ленинки, и в первую очередь ближайшая помощница Шаховского О.Г.Шереметева (ум. в 1941 г.), сумевшая восстановить некоторые маргиналии на книгах философа. В результате 38-летнего напряженного труда был издан "Каталог библиотеки П.Я.Чаадаева" (1980), в котором было собрано уцелевшее: 687 наименований. Составитель этого каталога стоит назвать и им должно воздать по заслугам. Это: В.С.Гречанинова, Н.Н.Гусарова, С.И.Ковригина, С.А.Колесник, Н.А.Назмутдинова, С.В.Соколова, О.П.Солдатова, Г.Н.Терехина. Честь им и хвала! 18 апреля 1856 г. Москва хоронила

¹¹ОР РГБ. А.1033а/37. Соболевский С.А. Письмо к М.А.Жихареву [б.д.]. Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. Т. II. М., 1913. С. 292.

¹³Голицын Н.В. П.Я.Чаадаев и Е.А.Свербеева // Вестн. Европы. 1918. Кн. 1–4. С. 240.

Петра Яковлевича Чаадаева. После его смерти началась упорная, многолетняя борьба против забвения его имени, сочинений, обстоятельств жизни.

"Кто его наследники? — спрашивает Полторацкий у Лонгинова в письме, написанном через шесть дней после похорон (24 апр. 1856 г. Л. 1-1). — Узнай от них, дадут ли они нам картинку его кабинета, висевшую у него на стене? Сколько раз он давал мне ее домой с тем, чтобы я литографировал ее, а потом, через несколько дней, опять брал ее назад, говоря мне, что без нее тоскует. Постарайся ее выхлопотать на несколько времени. Мы ее отлитографируем и возвратим сохранно назад"¹⁴. "Картинка", о которой идет речь, это, по всей видимости, гравюра, изображающая кабинет Чаадаева и его самого за письменным столом (воспроизведена в известной книге А.А.Лебедева "Чаадаев"). Но, конечно, главным делом было сохранение и по мере возможности опубликование литературного наследия философа, а также его биографии.

Известие о кончине Чаадаева было напечатано в "Московских ведомостях". Оно было кратко и сухо, над ним основательно поработала цензура. Лонгинов сообщал Полторацкому (26 апр. 1856 г. Л. 2-2): "Кублицкий написал его некролог, и он уже был набран для "Московских ведомостей", но Флеров (цензор) его запретил и остались только начальные строки в № 17-го апреля и известие о времени его похорон. Статья была недурна, но в ней нашли какие-то намеки и сбли-

жения, впрочем, очень натянутые"¹⁵. Ясно, что несколько газетных строк не могли считаться настоящим некрологом, и за дело берется неутомимый Лонгинов. К этому времени он уже давно свой человек в редакции "Современника", приятель Некрасова и Панаева; он ведет в журнале специально для него организованный раздел "Библиографические записки", в которых публикует статьи и заметки историко-литературного и библиофильского характера (все это тогда относилось к библиографии). И вот в июльской книжке "Современника" за 1856 г. появляется первый в России настоящий некролог Чаадаева. Как бы для маскировки ему предпослан рассказ «О комедии Якова Петровича Чаадаева "Дон Педро Прокодуранте, или Наказанной бездельник"». Комедия эта, принадлежавшая перу отца философа, была издана в 1794 г. якобы как перевод из Кальдерона (с "гишпанского"). В пьесе "выведены злоупотребления одного должностного лица, — пишет Лонгинов. — Надо сказать, что лицо себя узнало и постаралось скупить почти все экземпляры комедии. Поэтому она обозначена у Сопикова, как редкая". Лонгинов подробно пересказывает содержание комедии, а затем уже приступает к некрологу философа. Тон его, по сравнению с дальнейшими работами Лонгинова о Чаадаеве, еще очень сдержан. Он как бы прощупывает почву: что можно печатно сказать о человеке, чье имя двадцать лет было под запретом. "Богатый познаниями, наблюдениями и опытом, — пишет Лонгинов в этом некрологе, — он служил в Москве, так ска-

зать, посредником между людьми различных направлений. К нему съезжались по понедельникам почти все мыслящие люди. Прения о литературе, науке, политике были там живы, любопытны и часто поучительны".

Письма Лонгинова полны заботами о судьбе этих заметок. "Покойник очень хотел, — читаем в письме Полторацкому (18 апр. 1856 г. Л. 2-3), — чтобы Дон Педро его отца был помещен скорее в моих Записках. Желание его исполню в июльской книжке Современника и при этом помещу мои биографические и библиографические заметки о самом Чаадаеве"¹⁶. Лонгинов просит друга принять участие в хлопотах. "Уверен, — пишет он (26 апр. 1856 г. Л. 3), — что в память Чаадаева ты займешься этим делом как собственным. [...] Попроси Панаева хоть все отложить, но лучше поместить то, что пришлю. Я решился умолчать кое-что, лишь бы прошло в Цензуре воспоминание о нашем друге, и кажется тут нельзя будет подточить иголки. Эти два § § непременно нужно будет поместить в июльскую книжку, чтобы не слишком запоздать известием о Чаадаеве"¹⁷. Через несколько дней (30 апр. 1856 г. Л. 2) та же просьба: "Верю в силу твоего дара убеждения и уверен, что ты даже в случае отъезда возьмешь с него (Панаева) слово поместить непременно строки о Чаадаеве в июльской книжке, чтобы они хоть сколько-нибудь успели вовремя. Я читал их Боткину, и он остался доволен, прибавляя, что непременно нужно почтить его память скорее"¹⁸.

И, наконец, в июльской книжке, с опозданием на месяц, были помещены эти материалы.

Только одно издание опередило "Современник", издание, находящееся в куда более благоприятных условиях, — "Полярная звезда" Герцена. Вторая книга этого сборника (май 1856 г.) открывалась некрологом Чаадаева, написанным Герценом. "Полярная звезда" попадала в Россию и распространялась в ней очень быстро. Герцен имел возможность сказать о Чаадаеве то и так, как нечего было и думать в отечественном издании, не говоря уже о блистательном таланте Герцена. Но сам факт появления материалов о Чаадаеве на страницах русской подцензурной прессы имел громадное общественное значение. Этим как бы пробивалась брешь в стене молчания, возведенной властью вокруг одного из умнейших людей России. Казалось бы, следовало в ближайшее время ожидать новых работ о Чаадаеве, но прошло почти четыре года, пока появилась очередная (лонгиновская) статья, посвященная философу. Думается, что основная причина столь долгого перерыва — недоступность бумаг Чаадаева именно для тех лиц, которые могли бы найти возможность для их опубликования.

М.И.Жихарев, унаследовавший бумаги Чаадаева, не пожелал прибегнуть к помощи ни Полторацкого, имевшего громадные связи с европейскими издателями, ни Якушкина, смелость и конспиративный талант которого были ему хорошо известны. В 1860 г. он сам сделал попытку публикации "Апологии сумасшедшего" — очень важного сочинения философа, написанного им в 1837 г. в ответ на

¹⁶Там же.
¹⁷Там же.
¹⁸Там же.

¹⁴РО ИРЛИ. Арх. М.Н.Лонгинова.

¹⁵ОР РГБ. Ф.Полторацкого.

гонения. С нею Жихарев идет в "Современник", вероятнее всего, потому, что именно там был опубликован некролог Чаадаева. Н.Г.Чернышевский взял это сочинение и даже написал большую вводную статью с цитатами из первого "Философического письма". Подборка предназначалась для первого номера "Современника" за 1861 г. Но тут оказалось, что цензура этого не пропускает. Причиной запрета была прежде всего статья Чернышевского, смысл которой сводился к тому, что Чаадаев пострадал совершенно случайно. Он пишет: "Несколько странно, что письмо Чаадаева наделало такого шума, хотя не говорило ничего неслыханного для читателей "Телескопа". Конечно, автор был человек даровитый и мысли свои излагал энергическим языком, но Надеждин и Белинский писали не хуже, если не лучше его, — за что же обратилось особенное внимание не на какую-нибудь из их статей, а на письмо Чаадаева? Очень большую роль надобно тут, как и во всех подобных вещах, приписать просто случаю"¹⁹. Любопытно сравнить эти рассуждения с рассказом Герцена о впечатлении от чтения первого "Философического письма"... В результате ни статья Чернышевского, ни, что гораздо хуже, публикация "Апологии" не были пропущены цензурой.

Но субъективность оценок российских цензоров была такова, что в том же 1860 г. преспокойно пропущена яркая заметка Лонгинова, посвященная защите доброго имени Чаадаева (Рус. вестн. 1860. № 5). Поводом для

¹⁹Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. II. М., 1991. С. 234.

нее послужил выход в свет сочинений и писем Дениса Давыдова, среди которых было письмо бравого гусара к Пушкину, полное злобных выпадов в адрес Чаадаева. Он называл философа шарлатаном, честолюбцем "вроде белокурой кокетки" и высмеивал его огорчение по поводу того, что скажут об объявлении его сумасшедшим европейские философы — "шустеры" — "метафизики". Такого Лонгинов снести не мог. "Злоба и невежество напрасно шипели около этого человека, занесенного как бы из другой сферы во время тупого и апатического коснения общественной мысли... — пишет он. — И этот человек, невольно влиявший превосходством своего ума на общество, — шарлатан! И он, ничего и ни в ком не искавший, — честолюбец и кокетка! Поздравляем с открытием!.. Вы, которые не знали Чаадаева, не верьте подлым известиям". Это темпераментное выступление произвело большое впечатление и было перепечатано в "Библиографических записках" в первом же номере по возобновлении журнала в 1861 г. Этот номер открывался большой подборкой, озаглавленной "Письма П.Я.Чаадаева". В ее составе были: письмо философа к Жуковскому, отрывки из переписки с Жихаревым, перепечатка указанной заметки Лонгинова и другие материалы. Это была первая после 30-летнего молчания публикация текстов Чаадаева. Кто же ее осуществил? Подписана она криптонимом "—ъ С.". Словарь Масанова дает расшифровку (правда, под вопросом) — "В.В.Стасов". Однако это не так. В 1908 г. в "Русской старине" была посмертно опубликована статья Стасова "П.Я.Чаадаев", напи-

санная примерно в 1904 — 1906 гг. В ней он говорит, что статья в "Библиографических записках" "написана одним из ближайших знакомых Чаадаева". Из этого следует: что это не сам Стасов, что имя автора ему известно и это имя он не считает возможным назвать. Почему? Страсти вокруг имени Чаадаева к этому времени давно уже утихли; причина здесь может быть не политическая, а этическая: очевидно, автор этот еще жив, и Стасов не считает возможным раскрыть псевдоним без его согласия. Из всех людей, близких к Чаадаеву, в 1904 — 1905 гг. в живых оставался только Евгений Иванович Якушкин. Очень возможно, что эти материалы имелись у него в копиях, восходящих еще к тому времени, когда Чаадаев был жив. Например, опубликованное здесь письмо философа к Жуковскому в свое время имело широкое хождение в русском образованном обществе. Но непосредственным публикатором был энергичный и удачливый Касаткин. Возможно, что в памяти престарелого Стасова совместились два лица: "поставщик" и публикатор материалов. Думается, что Якушкин и не поставил бы своего имени под публикацией, сделанной с копии, — его научная добросовестность и щепетильность известны. Основание считать так дает эпизод, произошедший много лет спустя, когда П.А.Ефремов, в ходе подготовки нового Собрания сочинений Пушкина, обратился к Якушкину с просьбой поделиться материалами. Сын Евгения Ивановича Вячеслав по просьбе отца написал ему (19 дек. 1879 г. Л. 3): "У отца есть еще письмо Пушкина к Чаадаеву, копия с подлинника. Чаадаев во время оно читал

это письмо отцу; после смерти Чаадаева отец обратился по поводу этого письма к племяннику и наследнику Чаадаева Жихареву. Последний подлинника не дал, но доставил копию, им самим списанную, при этом он взял обещание с отца этого письма не печатать. Поэтому отец не может дать вам его, так как не знает, жив ли Жихарев, и советует отыскать самого Жихарева, если можно, и достать подлинник"²⁰.

В послесловии к публикации редактор "Библиографических записок" пишет: "Сообщившие нам вышеприведенные письма Чаадаева уверяли нас, что существует целый том in 8° писем, писанных рукою Чаадаева к Жихареву. Смеем надеяться, что тот, в чьем владении они находятся, поделится ими со временем с публикою". Это также указывает на Якушкина. Из всех лиц, близких к редакции журнала, он один был знаком с наследником Чаадаева. Однако Жихарев никому этих писем не отдавал; он сам решил быть их публикатором. Для этого он перевел их на русский язык (Чаадаев писал преимущественно по-французски), но реализовать замысел не сумел. И вот только недавно (Звезда. 1993. № 2) они увидели свет. Эта публикация, осуществленная Ричардом Темпестом, к сожалению, сделана именно с жихаревских, крайне беспомощных в литературном отношении переводов. Это тем более странно, что существуют и даже изданы на Западе подлинники этих писем, и, конечно, следовало перевести их наново.

Содержание публикации в "Библио-

²⁰РО ИРЛИ. Арх. П.А.Ефремова.

графических записках" гораздо шире ее заглавия. Тут не только письма Чаадаева, но и материалы для его биографии. Эта подборка вообще напоминает рукописные сборники, собиравшиеся в течение многих лет из всевозможного, часто разнородного материала, связанного с одним лицом. Подобных сборников того времени (в особенности составленных библиографами) до нас дошло немало. Каков же состав этой публикации? Первая ее часть действительно содержит несколько писем Чаадаева; вторая часть является сборной. Тут перепечатан отрывок из книги князя Гагарина, ставшего католическим священником, "Tendances catholiques dans la société russe" (Paris, 1860), посвященный Чаадаеву; заметка Лонгинова, о которой говорилось выше; отрывок из книги Сушкова "Московский университетский благородный пансион" (там учился юный Чаадаев), а также мнение о философе неизвестного современника. Все это (за исключением писем и заметки Лонгинова) материал далеко не первоклассный, но сам факт его опубликования в условиях почти полного отсутствия печатных известий об опальном философе имел безусловно большое значение. Касаткин пишет в послесловии: "Нам, без особенных объяснений, понятно, почему такие лица, как Чаадаев, имеют высокое общественное значение. Не подвергая критической проверке собранных нами на этот раз данных о Чаадаеве, мы заключим их простым пожеланием, чтобы люди, часто сталкивающиеся с Чаадаевым в клубе, бывавшие в его полуразрушенном домике, владеющие его письмами и статьями и вообще наиболее знавшие его, поделились о

нем принадлежащими им воспоминаниями и материалами". Заметим, что редакция "Библиографических записок", опубликовавшая множество пушкинских и декабристских материалов, ощущала отсутствие чаадаевских как большой пробел. Эти темы были для последователей Герцена, из которых и состояла редакция, едиными и нерасторжимыми.

Из писем Касаткина мы узнаем, что ему удалось добыть еще какие-то чаадаевские бумаги, но цензура не пропустила ничего. Не смог он опубликовать и портрет Чаадаева, который был подарен ему Герценом. (Этот портрет с надписью "Виктору Ивановичу Касаткину от друга Чаадаева А. Герцена" опубликован в книге Лебедева.) Но приходилось удивляться и тому, что Касаткину вообще удалось опубликовать такую большую подборку чаадаевских материалов. Между тем вместо благодарности от людей одного с ним образа мыслей он получил одни неприятности. Он узнал, что такие высоко уважаемые им люди (и многолетние участники журнала), как П.А.Ефремов и В.П.Гаевский, осудили его за опубликование отрывка из мемуаров неизвестного лица, недоброжелательно относившегося к Чаадаеву. Они считали, что по отношению к выдающемуся общественному деятелю, да еще к такому, который подвергался гонениям, надо соблюдать максимум осторожности, чтобы не играть на руку реакции, с одной стороны, и нигилистам-писаревцам, отрицавшим дворянскую революционность — с другой. Более того, они склонны были преувеличивать степень этой революционности (как, впрочем, и Герцен). Касаткину пришлось оп-

равдываться и доказывать, что такая позиция весьма уязвима, ибо может привести к потере ориентиров и к искажению исторической истины. Сохранилось большое письмо Касаткина к Гаевскому (16 апр. 1861 г. Л. 2), в котором он, в частности, пишет: "Пятнышки на Пушкине не отнимают у него ничего. Прибавить к этому мне остается, что вы не можете считать меня за отыскивающего нарочно в ком бы то ни было пятна, из желания, хватив грязью, отличиться удалством, что ли. На такие штуки я не способен"²¹. Заметим, что это — почти дословное цитирование высказывания Огарева, писавшего в предисловии к сборнику "Русская потаенная литература" (в его составлении участвовал Касаткин), имея в виду отечественных нигилистов: "Мы не берем на себя наглости, как теперь в нашей литературе вошло в привычку, хватать по заветным личностям с плеча грязною ладонью; эта бесцеремонность показывает в драчуне гораздо больше желания заявить существование своей маленькой ничтожности, сказать, что вот и я-де великий человек и я что-нибудь да значу, потому что ругаюсь ("je péte donc je suis"), чем действительно, добросовестного чувства истины"²².

В апреле 1860 г. в Москве проходило заседание возобновленного Общества любителей российской словесности, на котором с чтением воспоминаний о Чаадаеве выступил М.Н.Лонгинов (в то время — секретарь общества, много сделавший для оживления его деятельности). Текст речи

он затем переслал С.Д.Полторацкому.

"Я восхищен твоею статьею "Воспоминание о Чаадаеве", — пишет тот в ответ (1 июня 1860 г. Л. 1). — Прелесть, да и только! Как бы ему приятно было прочесть это!! Увы, — роковая стеклянка!! Неужели тебе позволили все прочесть, без пропусков в заседании 24 апреля?"²³

К сожалению, эта рукопись не сохранилась, и сейчас не представляется возможным установить, чем она отличалась от печатного варианта, опубликованного два года спустя (Рус. вестн. 1862. № 4). По всей видимости, исключены были намеки на самоубийство ("роковая стеклянка") и обычные для Лонгинова тех лет инвективы в адрес верховной власти и "петербургского канцелярского Олимпа".

Статья Лонгинова в "Русском вестнике" — самая значительная работа о Чаадаеве за XIX в. Вместе с опубликованными воспоминаниями Жихарева (Вестн. Европы. 1871) она легла в основу создания достоверного жизнеописания философа. Отметим, что Жихарев постоянно ссылается на "превосходную статью г. Лонгинова". Ценность работы Лонгинова повышает и опубликованные им в приложении значительные отрывки из "Философических писем", запрещенных к изданию в России. Очевидно, в качестве приложения, да еще при помощи влиятельного Каткова, они как-то проскочили цензурные рогатки.

В 1862 г. в Париже вышла книга "Oeuvres choisies de Pierre Schadaïeff publiées pour la première fois par le P. Gagarin de la compagnie de Jesus". Это знаменитое гагаринское издание

²¹РО РНБ. Ф.В.П.Гаевского.

²²Огарев Н.П., Избр. соч.: В 2 т. Т. II. М., 1958. С. 480.

²³РО ИРЛИ. Арх. М.Н.Лонгинова.

РНБ, что, конечно, затрудняет использование. Литература о Чаадаеве и значительная часть его трудов указаны в четвертом томе труда Геннади "Справочный словарь о русских писателях и ученых", но этот том также не был опубликован. И только в одной увидевшей свет библиографической работе XIX в. мы найдем указание на труды философа. Это работа Геннади "Les écrivains franco-russes Bibliographie des ouvrages français publiés par des russes" (Русско-французские писатели. Библиография трудов русских авторов, писавших по-французски), изданная в Дрездене в 1874 г. и хорошо известная в России. Из нее, в частности, мы узнаем, что Чаадаев перевел на французский язык запрещенное на родине сочинение А.С.Хомякова "Мнения иностранцев о России". Без сомнения, Геннади пользовался, как уже не раз было, указаниями и материалами Полторацкого, щедро помогавшего молодым коллегам.

В заключение расскажем об одном неосуществленном замысле, относящемся к нашей теме. П.Я.Чаадаев был, как известно, блестящим рассказчиком, но не любил записывать свои воспоминания. Евгений Якушкин, его постоянный слушатель, прекрасно понимая значение этих рассказов, неоднократно просил Чаадаева начать дик-

товать ему мемуары. Наконец, не-сговорчивый философ дал согласие. Но только они начали работу, как неожиданная смерть унесла вполне, казалось бы, здорового Чаадаева. Даже полвека спустя Евгений Иванович вспоминал об этом как об одной из самых горьких своих неудач²⁷, но он рассказал о беседах с Чаадаевым своему старшему сыну, и тот в 50-ю годовщину смерти Чаадаева поведал о них русской читающей публике. Статья представителя третьего поколения этой замечательной семьи была напечатана в "Русских ведомостях" (1906. № 100 и 108) в исключительно благоприятное время, когда цензура была сметена явочным порядком. Поэтому он имел возможность написать о Чаадаеве так, как ни один дореволюционный исследователь, не говоря уже о том, что он располагал ценнейшими материалами, хранившимися в семье, — в первую очередь письмами Чаадаева к декабристу Ивану Дмитриевичу Якушкину.

Наша историческая наука, только теперь по-настоящему приступающая к изучению жизни и идей Петра Яковлевича Чаадаева, многим обязана библиографам и библиофилам XIX в., первым биографам философа и первым собирателям его литературного наследия.

²⁷Ш е р е м е т е в П. Мои заметки. 1900 — 1905. М., 1908. С. 104.